

Е. И. МЕЛЕШКО, А. Н. НЕЧУХРИН

ПАВЕЛ ОСИПОВИЧ БОБРОВСКИЙ: УЧЕНЫЙ, РЕФОРМАТОР, ПЕДАГОГ

В статье собраны воедино материалы о биографии и творчестве Павла Осиповича Бобровского, дан историографический анализ его трудов, исследованы его подходы к конкретным проблемам истории, освещена его роль в реформировании России во второй половине XIX– начале XX в.

Ключевые слова: П. О. Бобровский, личность, биография, историография.

Личность накладывает отпечаток на эпоху, как и эпоха отражается в личности. Павел Осипович Бобровский (1832–1905), чье имя в равной мере принадлежит и Беларуси, и России, внес значительный вклад в науку и в общественные преобразования. Российской науке П. О. Бобровский известен, прежде всего, как историк военного права. Однако близкое знакомство с научным наследием Бобровского позволяет определить его как универсального ученого который смог приложить свои силы к развитию различных наук: археологии, историографии, статистики, географии, биологии, права, экономики, педагогики, этнографии, краеведения.

Несмотря на активное использование творческого наследия П. О. Бобровского в практике историков-исследователей, его работы не стали предметом комплексного рассмотрения в теоретико-методологическом, методическом, идеологическом аспектах. В данной статье сделана попытка собрать воедино материалы о биографии и творчестве историка, дать историографический анализ его трудов, исследовать его подходы к конкретным проблемам истории, осветить его роль в реформировании России во второй половине XIX– начале XX в.

Будущий историк родился 21 марта (2 апреля) 1832 года в семье, происходившей из известного дворянского рода в Гродненской губернии [1, с. 12]. Отец, Осип Кириллович Бобровский был профессором Виленского университета, получил известность как доктор философии и магистр права. Мать, Мария Павловна (урожденная Кунахович) – из обедневшего дворянского рода с Дрогичинщины [2, с. 41]. Родной брат отца, Михаил Кириллович, доктор теологии, магистр филологии и фи-

лософии, профессор герменевтики и экзегетики Виленского университета прославил фамилию Бобровских во всём славянском регионе Европы [3, с. 41]. Будучи рукоположен в звание каноника брестского капитула, он не женился и все своё внимание отдавал сыновьям старшего брата – Михаилу и Павлу. После скоропостижной смерти брата М. К. Бобровскому пришлось взять на себя груз забот по воспитанию и содержанию племянников. Он перевёз осиротевшую семью в имение Обруч, недалеко от Шерешево, сумев сохранить за мальчиками права владения на их наследственную усадьбу Вакка [2, с. 41].

П. О. Бобровский впоследствии всегда с теплотой вспоминал о детстве, с благодарностью отзывался о людях, участвовавших в его воспитании [4, с. 9]. Видимо, для мальчика финансовая несостоятельность семьи в полной мере компенсировалась заботой и вниманием родных. Большую часть времени Павел проводил в Шерешево. Личность его дяди, Михаила Кирилловича, его человеческие качества и профессиональные достижения на всю жизнь стали для племянника примером и предметом гордости. М. К. Бобровский (1794–1848), как человек разносторонний и талантливый, отличился в изучении многих наук – теологии, философии, филологии, истории, археологии, литературы. Мировую известность ему принесли открытие и изучение древнеславянских рукописей и первопечатных книг. Его заслуги признаны были Археологической академией в Риме, Парижским и Лондонским обществами азиатских наук, Московским обществом истории и древностей российских, почётным членом которых он состоял [5, с. 249]. Не единожды учёный был удостоен наград от российского императора [6, с. 6]. Его личная библиотека, собираемая в течение всей жизни и отнявшая значительные средства, содержала многочисленные раритеты XI–XVII вв. [7, с. 32]. Эта первая на территории белорусских земель коллекция историко-литературных памятников насчитывала более тысячи томов. М. К. Бобровский подготовил к печати несколько трудов, в том числе «Историю славянских книгопечатен в Литве» и «Описание древнеславянских книг и рукописей в библиотеках Европы» [7, с. 20]. Все это позволяет судить о богатой духовной атмосфере, в которой рос и воспитывался П. О. Бобровский. Его родной дядя, а также его крёстный отец И. Ярошевич, автор популярных исследований по литовской истории, повлияли на формирование у мальчика интереса к историческим наукам. Михаил Кириллович сам готовил племянника к учёбе: преподавал ему арифметику, языки и историю. В десять лет Павел Бобровский с успехом выдержал экзамен в Пружанское пятиклассное дворянское

училище [2, с. 42]. Возможно, Михаил Кириллович планировал для племянника карьеру учёного, но обстоятельства сложились иначе.

Ещё в 1824 г. по итогам «дела филоматов и филоретов» Михаил Кириллович был лишён профессорской кафедры и сослан в Жировичи. Тогда же из Виленского университета была изгнана вся либеральная профессура, обвинённая в содействии «польскости». Влиятельные друзья в Петербурге смогли исходатайствовать помилование, и в 1826 г. профессор возвратился к преподаванию [8, с. 57]. Однако в 1829 г. с началом реформ в униатской церкви его перевели на должность младшего соборного протоиерея Жировичской кафедры [9, с. 410]. А. Зубко в своих мемуарах свидетельствует, что М. К. Бобровский не изменил своим убеждениям: «он публично в аудитории, когда один из учеников назвал греко-российскую церковь схизматической, отозвался: “Они ли, мы ли схизматики, об этом Богу, а не нам судить”» [10, с. 330]. Опасный своим либерализмом и популярностью среди местной интеллигенции, ученый вскоре был отстранён властями и от этой должности.

О бедственном положении семьи в конце 1830–1840-х гг. свидетельствуют строки письма учёного к профессору В. Лобойко: «...мы остались без всяких средств к жизни, а когда используем ту безделицу, которую выручили за продажу книг, не знаю, чем буду существовать, разве подаянием... Мои начальники строго соблюдают высочайший приговор и не пытаются дать мне какое-либо дело в духовном ведомстве, хотя и знают о моём положении... Может господин Кеппен имеет способ представить меня министру, епископ Булгак не имеет возможности...» [11, л. 10–11]. Испытывая постоянную нужду, бывший профессор постепенно распродал свою уникальную библиотеку [11, л. 10]. После пожара в Шерешево, принёсшего большой урон имению [8, с. 56], Михаил Кириллович вынужден был заложить оставшуюся её часть и за долги отдать после своей смерти помещику Владиславу Тренбицкому [11, л. 3].

Неожиданная помощь пришла от дворянского попечительского комитета губернии, который предоставил М. К. Бобровскому возможность отдать Павла на иждивение дворянской опеке в Полоцкий кадетский корпус. Это среднее учебное заведение было создано в 1830 г. вследствие реформы, позволившей готовить офицеров для армии вблизи их родных мест на средства дворянских комитетов местных губерний [12, с. 4–5]. Вынужденный обстоятельствами, дядя прерывает учёбу Павла в Пружанском училище и направляет его в Полоцк, тем самым определив воспитаннику военную карьеру. В корпусе кадеты попадали в обстановку муштры и подчинения, закалявшую будущих офицеров. Четырёхгодичное обучение включало, помимо строевой и военной под-

готовки, изучение всех обычных для среднего образования предметов, в том числе двух иностранных языков и Закона Божия. Обязательными были чтение столичных газет, ведомственных журналов и знание законов Российской империи [12, с. 77, 78]. Аудиторные занятия составляли восемь часов в день. Воспитательная цель заведения виделась в привитии ученикам русского патриотизма: «Корпус учреждён для проведения в западном крае идеи русского просвещения, русского патриотизма и русского дела!» – с гордостью заявляли выпускники курсов [12, с. 8]. Необходимые качества российского офицерства воспитывали в мальчиках опытные педагоги, имевшие высокие образовательный ценз и нравственные качества. Даже через полвека ученики тепло вспоминали любимых преподавателей. Примером служения своему долгу стал для них инспектор первого класса В. М. Бруевич, человеческими качествами запомнился начальник корпуса Ф. М. Ореус, любовь к истории прививал А. В. Скворцов, который «с таким увлечением отдавался предмету, что часто забывал, что перед ним сидят дети 13–16 лет» [12, с. 133].

Ученик второго класса Павел Бобровский участвовал в памятном для Полоцка событии. С инспекторским визитом корпус посетил император Николай I. Лично опросив воспитанников, он «остался ими доволен». Для юных кадетов это был лучший стимул дальнейшего служения «царю и отечеству» [12, с. 171]. Тяжёлые испытания принёс 1848 год. С весны в Полоцке свирепствовала холера. Преподаватели ценой своей жизни спасли мальчиков, полностью изолировав их от города. В том же году Павел получил из Шерешево весть о смерти дяди, ставшего жертвой эпидемии. Нищета не позволила организовать подобающее прощание, и местный дьячок скромно похоронил учёного у алтаря кладбищенской церкви. Имение было распродано за долги [13, с. 12].

Корпусная администрация учла обстоятельства кадета, оставшегося без средств к существованию, а также его отличные успехи в занятиях и в 1849 г. после сдачи выпускных экзаменов направила его для продолжения учёбы в высшее учебное заведение, сформированное в 1832 г. «для довершения воспитания кадетов, обучающихся в губерниях» [14, с. 14] – Столичный дворянский полк [159, с. VI]. Зачисление в него автоматически относилось учащихся в разряд привилегированной части военного сословия, поскольку в нём готовились кадры для командных должностей в армии. Шестнадцатилетние губернские кадеты, направленные для дальнейшего обучения в полк, должны были после четырёхгодичного изучения программы соответствовать образцу «русского, верноподданного христианина, доброго сына, надёжного товарища, скромного и образованного юноши, исполнительного, терпеливого и расторопного

офицера» [14, с. 120]. Кроме высоких нравственных ценностей, полковое начальство уделяло серьезное внимание образовательной сфере. Годы обучения П. О. Бобровского в Дворянском полку пришлось на реформаторскую деятельность директора заведения генерал-адъютанта Я. В. Воронцова. В это время к работе в полку были привлечены эрудированные преподавательские кадры, в том числе известный военный историограф М. Богданович, филолог И. Введенский [14, с. 43]. Столь же основательно в стенах полка подходили к изучению географии, иностранных языков, статистики, тактики, новейших средств вооружения. Подобная забота об образовании закономерно определяла органичное вхождение российского офицерства в состав духовной и интеллектуальной элиты нации.

7 августа 1851 г. 157 воспитанников полка императорским приказом были произведены в офицеры. Павел Бобровский в 19-летнем возрасте в числе 26 «дворян» был направлен в гвардейские войска империи [15, с. 4]. Местом назначения новопроизведённого поручика был лейб-гвардии Литовский полк, квартировавший в столице. В жизни Павла Бобровского начались годы карьерного роста, и большая их часть прошла в Петербурге. По рекомендации полкового начальства, отметившего незаурядные умственные способности младшего офицера, он начал подготовку к поступлению в Военную Академию Генерального штаба. В 1853 г. во время посещения подготовительных курсов П. О. Бобровский увлёкся занятиями по неорганической химии. Усердного ученика отметил академический профессор химии Зинин, который поддерживал дополнительными занятиями его «страсть к науке» [16, с. 568].

Реализацию научных планов пришлось отложить на несколько лет. Россия уже стягивала войска к юго-западным границам империи, готовясь осуществить свои внешнеполитические цели в черноморско-средиземноморском регионе в будущей Крымской войне. Офицеры Литовского полка в числе многих ходатайствуют о командировании их в район военных действий. Возможность показать себя в ратном деле получили лишь три офицера полка. В результате жребия П. О. Бобровский направился в распоряжение командующего Дунайской армии князя Горчакова [2, с. 42] и начал сборы для долгой дороги в Валахию. Он радостно воспринял этот новый поворот в своей жизни. Единственным огорчением при отъезде из Петербурга, было осознание невозможности продолжить научную работу. Но с молодым оптимизмом поручик сложил в свой чемодан учебники, надеясь продолжить занятия после окончания войны [16, с. 568]. Как натура впечатлительная, молодой офицер, носитель привитого с детства исторического мировоззрения, сразу же

проникся осознанием важности и эпохальности события, в котором ему предстояло участвовать. Еще при отъезде из столицы он начал вести подробный дневник личных наблюдений, описывая двухмесячный путь по русским, белорусским и украинским губерниям к месту назначения, а также напряжённый год военных действий [16]. Этот дневник, как свою первую пробу пера, автор решился опубликовать лишь спустя 30 лет.

Кроме личных впечатлений, описания взаимоотношений с товарищами и подчинёнными, сведений о боевых действиях, документ содержит интересные этнографические наблюдения. Сюда занесены сравнения по характеру и менталитету представителей различных народностей, встреченных П. О. Бобровским во время кампании [16, с. 569].

Для военной историографии ценность представляют сведения о настроениях русских солдат, планах российского командования, тактической подготовке войск, об отношении местных жителей и сопротивлении турок. Независимость суждений автора выражена в личном его признании слабости русских войск на Дунайском театре, в описании силы сопротивления войск Осман-паши, в объективной оценке изменения отношения к русским у болгар, валахов и сербов [16, с. 575].

Назначенный командиром взвода в Екатеринбургском полку Мало-Валахского отряда, П. О. Бобровский впервые выступил в роли организатора действий подчинённых, ответственного за чужие судьбы. Среди вверенных ему рядовых 21-летний офицер оказался младшим по возрасту и единственным без опыта боевых действий. Но тяжёлая зимняя сторожевая служба под Калафатом и Рушукком способствовала взаимопониманию его с солдатами. Себе в пример он ставил дух и характер своих подчинённых [16, с. 594]. Служба убедила его в необходимости для русского офицера мужества, способности переносить жизненные тяготы, физической и духовной выносливости. Как личное кредо записан в военный дневник вывод: «Я узнал, как велика ответственность начальника и как много он должен знать, чтобы стоять на высоте своих обязанностей» [16, с. 567]. Факты последующей биографии учёного говорят о том, что он всю свою жизнь продолжал следовать вынесенным из уроков молодости жизненным принципам.

В конце 1854 года, в связи с передислокацией Дунайской армии в пределы России, Бобровского переводят в дивизию генерал-лейтенанта Самойлова, оборонявшую Журжею. На новом месте служба тоже была недолгой [2, с. 42]. Он вновь возвратился в Петербург, где узнал о смерти матери. Со своими родными Бобровский не виделся долгие годы учёбы и службы и тяжело переживал невозможность попрощаться с ними перед отправкой на фронт [16, с. 569].

В 1855 г. П. О. Бобровский поступил в Военную Академию [17]. Два учебных года были заняты штудированием специальных военных предметов. Он рад был встретить своего бывшего преподавателя истории в Дворянском полку, а теперь профессора кафедры стратегии Модеста Ивановича Богдановича. Известный своими исследованиями о войне 1812 г. и заграничных походах русской армии, Богданович организовал для 18 слушателей курса творческое изучение военной истории. Он разделил хронологические рамки предмета на 10 периодов, по каждому из которых разработал практические и лекционные занятия с подробным изучением военных учреждений, тактики, стратегии военных действий, анализа военной историографии [118, с. 57]. Широкой популярностью у слушателей пользовался профессор военной статистики Д. А. Милютин, ставший известным в учёном мире Европы своими оригинальными разработками в области военных наук [18, с. 59]. Необходимыми для будущей деятельности Бобровского оказались лекции профессора географии и топографии Языкова, автора «Теории военной статистики». Преподаватель привил умение на практике применять физическое описание местности и уже в 1850-е годы говорил о переориентации военных интересов на запад, в связи с чем пристальное внимание уделял изучению Царства Польского и западных губерний [18, с. 60, 61].

В 1857 г. П. О. Бобровский получил свидетельство об окончании академии. За отличные успехи он был награждён чином штабс-капитана [15, с. 157]. За этим последовало новое назначение, возвращающее его на родину. В штаб Первого армейского корпуса, квартировавшего в Вильно, Бобровский прибыл в должности старшего адъютанта. Деятельный характер, высокий теоретический уровень, понимание задач по переустройству российской армии позволили ему организовать занятия при корпусном штабе по топографии. Эта инициатива была отмечена командованием, и на П. О. Бобровского вскоре возложили преподавательскую работу и с юнкерами Новоингерманландского полка [2, с. 42]. Активная жизненная позиция и эрудированность молодого офицера позволили уже в 1859 г. зачислить его в штатные сотрудники Генерального штаба и возложить на него ответственное и творческое задание.

После поражения в Крымской войне перед военным командованием встала задача пересмотра внешнеполитических ориентиров. Более пристальное внимание стало уделяться сохранению стабильности в западноевропейском регионе и укреплению западных границ империи. Для координации действий Генеральный штаб начал сбор новейших сведений по статистике народонаселения и топографии территорий. Главное военное ведомство привлекло к работе лучших специалистов

штаба и членов Русского Географического общества, а также начало активный поиск местных исполнителей, обладающих необходимыми знаниями по истории, географии и этнографии российских губерний.

Подобные исследования уже дважды проводились Министерством внутренних дел, начиная с 1837 г. По итогам этих переписей были изданы сборники материалов [19; 20; 21], но в очень малом объёме и лишь для внутреннего пользования ведомствами МВД. Статистические сведения требовалось обновить для военных нужд, и это издание министерство предполагало в виде более обобщённых томов для использования гражданским населением и государственными учреждениями.

Руководство группой офицеров и сотрудников, занимающихся сбором географо-статистических материалов по Гродненской губернии, было поручено П. О. Бобровскому [22, № 137, с. 1]. Министерство поставило задачу подготовить статистические материалы с сопроводительным текстом, выделило средства и выслало необходимые пособия: карты, топографические описания и исторические исследования. Не ставя перед группой научных задач, ведомство лишь определяло их как «обогащение свежими материалами статистики и географии» [23, т. 1, с. XII]. Однако руководитель группы творчески изменил подход к выполнению задания и несколько расширил свои функции. Он разделил подготовку издания на три этапа: «подготовительный», в котором осуществлялся сбор материалов и где были задействованы все сотрудники, «приготовительный» и «окончательный», которые касались обработки современных материалов и исторических источников и оформления выводов в виде научного текста. Последние этапы Бобровский выполнял лично.

Работа вскоре переформилась из статистического свода в фундаментальное исследование, отражающее в многообразии и взаимодействии все возможные стороны проявления человеческой деятельности в рамках одного географического региона в хронологических пределах существования в нём человеческой цивилизации. Поставленные задачи были блестяще реализованы в издании. Большую роль в этом сыграла заинтересованность самого автора в поисках материалов: увлечённость историей и генеологическая связь с Гродненщиной делали его не случайным исполнителем. В красочности описания ландшафтов губернии, в практических советах по поводу развития её производительных сил, в романтических пересказах местных легенд и исторических событий явно просматривается глубокое знание Бобровским родного края, его патриотизм по отношению к землякам.

Вторым фактором стала помощь местных энтузиастов. Российские историки XIX в. признавали, что присоединённые западные губернии

имели более высокий общий уровень образования, и в них чаще можно было встретить любителей истории [22, № 137, с. 1]. Бобровский широко привлекал к поиску материалов губернских помещиков, священников, учителей [23, т. 1, с. XII]. Старые друзья семьи не скупилась на помощь. В распоряжение исследователя предоставили свои библиотеки профессор бывшего Виленского университета Ярошевич и гродненский ксёндз Гинтовт. Сотрудники Виленского архива, а также монахи Супрасльского и Жировичского монастырей согласились предоставить материалы своих учебных заведений племяннику когда-то работавшего в этих обителях М. К. Бобровского. Охотно шли на сотрудничество присутственные места, хозяйственные комитеты и административные учреждения губернии. Сам П. О. Бобровский три года провёл в бесконечных разъездах по территории, «много ходил по краю, во всем присматривался к народу, сам записывал образы его речи и творческих произведений» [24, с. XLVII].

В результате кропотливого труда в 1863 г. из печати вышло четырёхтомное издание по Гродненской губернии с небывалым многообразием тем. В нем систематизировались сведения по истории, этнографии, хозяйственной деятельности, состоянию образования, демографии, географии, национальным и конфессиональным процессам, флоре и фауне и других сфер жизни. Выход в свет «Материалов» вызвал большой общественный интерес. Внимание к нему в некоторой степени объяснимо актуальностью тематики. Восстание в Польше, Литве и Беларуси 1863-64 гг. катализировали повышенный интерес России и Запада к проблемам жителей этих губерний. Как своеобразное руководство к действию официальная пресса опубликовала манифест «К православным белорусам», в котором сожалела: «Мы, русское общество, как будто забыли про существование Белоруссии. Мы долго коснели в неведении о той глухой борьбе, которую вели белорусы за свою народность и веру» [25, с. 89]. Работа П. О. Бобровского попала в руки читателей в 1864 г., в период повышенного спроса на информацию о непокорных губерниях и претендовала на объективное и новейшее отражение ситуации.

Критика отмечала своевременность «Материалов» и их оригинальность [2; 22; 24 – 26]. Часть отзывов негативно оценила скрупулёзность изложения статистических материалов: приложения математических таблиц заняли два самостоятельных тома, что затрудняло чтение для простого обывателя. Критика также отмечала за излишнюю пространность труда, указывая что «Гродненская губерния не составляет отдельного края», требующего столь подробного изложения [22, № 137, с. 2]. В большей степени «Материалы географии и статистики» по Гродненской губернии разочаровали официальную прессу либерализмом, про-

явленным автором в отношении к полякам и евреям, проживающим в крае [26, № 210, с. 1]. П. О. Бобровский явно не пошёл на поводу политической ситуации 1860-х годов, когда набирала обороты русификаторская кампания в воссоединённых губерниях, которая сделала другие нации и конфессии объектами активного порицания.

Тем не менее, первая фундаментальная работа ученого была в должной мере оценена современниками: отмечалась её значимость, занимательность, полнота используемых источников, многообразие привлечённых материалов. Известные историографы А. Н. Пыпин и С. А. Венгеров положительно отнеслись к попытке Бобровского определить этнографические отличия местного белорусского населения [2, с. 42; 25, с. 82]. Российский этнограф П. Бессонов в своём исследовании о Белоруссии отметил «Материалы» как «благодетельное для Белоруссии и великий дар для всей России», сожалея, что в то время как даже на Западе не выходили работы подобного масштаба, «русская литература обошла их почти молчанием при появлении, да, по-видимому, не ознакомилась доселе с этою красотою своею и честью» [24, с. XLVII]. Либеральные газеты в один голос превозносили научность, детальную источниковедческую базу труда, что выгодно отличало его от других томов серии, изданной под эгидой МВД [27; 28]. Военное ведомство также высоко оценило работу сотрудника. Вскоре после сдачи томов в печать Бобровский получил звание подполковника. Русское Географическое общество включило его в число своих членов-корреспондентов и удостоило малой золотой медали [29]. «Материалы» были отмечены лично Александром II, который наградил подполковника орденом Святого Владимира IV степени. Гродненская администрация выразила своё признание зачислением офицера в пожизненные почётные члены губернского статистического комитета [30, с. 10]. Закономерным было и изменение отношения общества к самой личности автора. Постепенно в прессе эпитеты «офицер Генерального штаба», «официальный статистик» сменились на «учёный», «известный этнограф».

Работа над «Материалами» позволила Бобровскому осуществить некоторые личные стремления. Он пытался разыскать и восстановить богатейший архив и библиотеку М. К. Бобровского [11, с. 3], вёл переговоры со священниками, завязал переписку с местными помещиками, опросил бывших прихожан дяди. Уже в 1860 г. он узнал, что наиболее ценные рукописи и книги после многочисленных перепродаж попали в частные и государственные фонды Санкт-Петербурга, Москвы, Варшавы, Вильно. Он бережно собирал сохранившиеся у знакомых личные

документы дяди. Сбор информации продолжался 30 лет и завершился рядом биобиблиографических изданий об учёном [4; 6; 31–37].

Период пребывания историка на Гродненщине совпал с нарастанием идеологической борьбы польской и российской общественности в крае. В прессе началась массовая публикация письменных источников, подобранных с целью доказательства исторической принадлежности территории к русскому государству. Вслед за археографической деятельностью проявилась активность учёных и публицистов по вопросам национальной и конфессиональной проблематики края.

В рамках официальной кампании П. О. Бобровский часто печатался в первой половине 1860-х гг. в местной и столичной прессе. Его научно-популярные работы о прошлом Гродненщины, исторические очерки о местных достопримечательностях можно найти в издаваемом в Вильно «Вестнике Западной России». Редактор «Вестника», представитель православной историографии К. Говорский сумел в короткое время сделать журнал средством обличения «пагубной» роли католицизма для восточных славян. В то же время статьи Бобровского печатал и редактор самой старой газеты в крае – «Виленского вестника» – А. Киркор, зарекомендовавший себя как выразитель умеренных оппозиционных польских кругов. Такое сотрудничество Бобровского с журналистами диаметрально противоположных идеологических убеждений свидетельствовало об определенной аполитичности и объективности его трудов, так как ни один из печатных органов не принял бы в свои внештатные корреспонденты человека из лагеря противника. Блок статей, созданных в период работы ученого в Северо-Западном крае, выходил в печать не по заданию министерства, а по велению долга. В определённой мере эти статьи формировали круг его научных интересов, стимулировали поиск новых источников, вырабатывали аргументацию личной позиции в насыщенной идеологической борьбой общественной жизни.

В целом пятилетнее пребывание П. О. Бобровского на Гродненщине в качестве сотрудника Генерального штаба принесло значительные научные результаты. За 1859–1863 гг. в творческом активе исследователя появилось несколько объёмных работ статистического характера [38; 39], серия статей документально и последовательно отражавших историю определённых местечек и исторических памятников [40–44]. Часть трудов этого периода может быть отнесена к экономическим исследованиям [45; 46]. Успел заявить о себе автор и как активный публицист, рецензент, и даже как историограф [47–51].

Самая фундаментальная работа – «Материалы по географии и статистике... Гродненская губерния» по оценкам многих современников

стала образцом историко-этнографической литературы 1860-х гг. и принесла автору учёную известность в пределах всей империи. Это были годы формирования общественной и научной позиции по отношению к многочисленным историческим и политическим вопросам современности. Работа с краеведческим материалом позволила накопить опыт источниковедческого исследования. Уже в начале карьеры Бобровский заявил о себе как эрудированный, талантливый и исполнительный сотрудник. Эти качества личности стали решающим аргументом в вопросе назначения подполковника на новую ответственную должность.

В этот период среди военной элиты России были популярны разговоры о реформировании военного образования. Общие преобразования по военному ведомству вызвали необходимость введения нового устройства военно-учебных заведений, готовящих командный состав армии. Кадетские корпуса, в которые учащиеся поступали в детском возрасте, уже не удовлетворяли ни требованиям общественного мнения, ни потребностям войскового быта. Назрела необходимость в создании специализированных военных училищ, где была бы введена специальная программа обучения, отличная от общеобразовательной [52, с. 17]. Инициатор реформы военный министр Д. А. Милютин для апробирования новых идей на практике предложил кандидатуру своего ученика и подчинённого подполковника П. О. Бобровского.

В 1863 г. в должности обер-квартирмейстера Бобровский вступил в заведование Воронежским училищем подпрапорщиков, являвшимся базовым заведением Четвёртого армейского корпуса [53, с. 129]. В короткие сроки училище было реорганизовано в пределах программы, установленной комитетом по реформе военно-учебных заведений [52, с. 18]. Обучение и воспитание учащихся приближалось к нормам войскового быта, умственная, физическая и нравственная подготовка должна была соответствовать профессиональной специфике.

После сдачи выпускниками училища экзаменов комитет по реформе констатировал успешную апробацию опыта. Непосредственный исполнитель нововведений изложил личный опыт реформаторства в статье «Училище подпрапорщиков в Воронеже» [54], где, кроме ознакомления читателей с преимуществами специализированного обучения, перечислялись недочеты первого года работы преобразованного училища. П. О. Бобровский в течение года лично участвовал в административных и хозяйственных изменениях в заведении и четко определил причины неудач и возможности их дальнейшего устранения. Свои рекомендации по дальнейшим преобразованиям он приложил к статье. Применять на практике свои идеи реформатору пришлось уже в Санкт-

Петербурге, куда он переехал в 1864 г. Подполковник получил должность батальонного командира Второго Константиновского училища, бывшего Дворянского полка [55, с. 323]. Вместе с директором училища П. П. Киновичем он реорганизовал внутренний быт учащихся на базе воронежского опыта. В должности батальонного командира П. О. Бобровский исполнял функции надзора за учебной частью и воспитанием вольноопределяющихся. Он также стал автором правил и наставлений для воспитания и образования будущих юнкеров [56; 57].

Своей организаторской деятельностью П. О. Бобровский обратил на себя внимание военного министра Д. А. Милютина, уже определившего 1865 год как начало коренного преобразования военно-учебных заведений по всей империи. В военном министерстве было решено сократить число кадетских корпусов, а на сэкономленные средства организовать во всех округах армии юнкерские училища, которые должны были устранить недочёты в профессиональной подготовке офицерских кадров, создать возможности укомплектования армии грамотным командным составом, привлекая офицеров из недворянского сословия.

К решению этих задач был призван Бобровский. В его лице министр нашёл верного союзника, сторонника реформ в армии, считавшего необходимым использовать западный опыт в военном деле. В 1865 г. он был принят в штат Главного управления военно-учебных заведений в личное распоряжение начальника управления генерал-адъютанта Н. В. Исакова. Десять последующих лет служебной карьеры были посвящены работе в должности главного инспектора юнкерских училищ. Непосредственные его обязанности – объезд и проверка учебных заведений и составление ежегодных отчетов командованию. Вскоре все нити проведения реформы оказались в руках полковника Бобровского. Он лично планировал место создания училищ, определял источники их финансирования, занимался подбором администрации и преподавательского состава, строго следил за формированием хозяйственной и учебной баз заведений. За десять лет им было организовано 24 пехотных, кавалерийских и артиллерийских училища. Но и после создания он не покидал плоды своих трудов без опеки. Он установил с каждым из директоров переписку, таким образом, постоянно находясь в курсе дел [58]. Он интересовался ежегодным приёмом, уровнем знаний поступающих, поведением учащихся, создавшимися трудностями в преподавании и материальной части. Часто давал руководству училищ советы и рекомендации, в связи с важными обстоятельствами приезжал из столицы лично для вмешательства в управление.

Многие директора училищ за долгие годы переписки и сотрудничества стали Бобровскому настоящими друзьями и единомышленниками, для

которых главными принципами в преподавании были профессионализм, образованность и высокая нравственность. Много времени он посвящал ежегодному инспектированию училищ. Кроме отчетов в Главное управление, Павел Осипович предал результаты поездок гласности, опубликовав их в ведомственной и официальной прессе, попутно указывая замечания в работе и поощрения, делая выводы и рекомендации [59–65].

Дореволюционная военная историография не была концептуально единой. Представители «русской» школы (наиболее известны Д. Ф. Масловский, А. З. Мышлаевский) стремились утвердить русские начала в национальной военной истории. Представители академического направления (Г. А. Леер, П. А. Гейсман, П. О. Бобровский), напротив, стремились доказать развитие русского военного искусства в единой связи с западноевропейским, основываясь на теории «единой столбовой дороги» в военном деле [66, с. 185]. И если «русское» направление историографии методологически основывалось на славянофильстве, то представители «академизма» по своим философским взглядам были «западниками» [66, с. 204]. Именно представители академического направления поддерживали буржуазные реформы в армии.

Не однажды в своих произведениях Бобровский рассматривал историю политических явлений, как результат влияния экономической, социальной и даже религиозной сферы деятельности людей [67, с. 223]. Именно экономическому фактору он отдавал предпочтение в вопросе движущих сил общественного прогресса [68, с. 42]. Историк определенно испытал воздействие позитивистских идей, в частности Бокля. Особое внимание исследователь уделил природному фактору, который, по его мнению, определял тенденции и интенсивность изменений в человеческом обществе. Иллюстрируя данный тезис, он сравнительно описал географические условия жизни разных народов от полярного севера до тропических пустынь. Бобровский пришёл к выводу, что первоначальный толчок в темпах развития и особенностях занятий, уклада, общественных институтов жителей различных географических регионов определяла именно природа. Он писал: «Страна со своими физическими свойствами и с атмосферными явлениями имеет неотразимое влияние на существа органические. Каждая часть света представляет особенные, только ей свойственные физические элементы, свою особую природу, свой отдельный мир с бесчисленными видоизменениями в наружном виде, характере и качестве растений и животных. Физическая организация страны, её климат, конфигурация почвы и естественные воспроизведения носят свой особый тип, составляют особое целое, более или менее благоприятное жизни произведений» [23, т. 1, с. 348, 349].

Совокупность природных элементов, по Бобровскому, определяет менталитет жителей, накладывает особый отпечаток на нравственность, обычаи, производительность, темперамент людей [23, т. 1, с. 147, 348, 821]. Физический фактор может отсутствием благоприятных климатических условий тормозить развитие цивилизации, например, «народы полярного климата» «остаются на одной степени развития, не будучи в силах выйти из тесной сферы своих потребностей» [23, т. 1, с. 289]. Так же вредно для развития изобилие природных ресурсов стран плодородного юга. Ученый писал: «Там, где для удовлетворения первых потребностей достаточно бросить зерно в землю, едва тронутую плугом, чтобы собрать обильные плоды, или где для укрытия себе достаточно выстроить кое-какую хижину и можно круглый год обходиться без одежды, там, не может развиться предусмотрительность, ибо всякая потребность в минуту своего появления уже удовлетворена самой природой: там человек может бесконечно предаваться лени, своей любимейшей склонности, ибо ему свойственно предаваться этому пороку, коль скоро нет побудительной причины к труду и заботам» [23, т. 1, с. 289].

Для будущего Бобровский определил «власть» как решающий элемент в направлении государственного развития. Навеянное временем его позитивное отношение к реформам «сверху», способным в будущем улучшить жизнь граждан, стало основой его прогнозов и рекомендаций для имперских чиновников [23, т. 1, с. 163, 203, 287]. Главной же целью государственной власти должно было стать просвещение народа [23, т. 1, с. 612; т. 2, с. 257]. Ученый указывал на науку, как на действенное средство борьбы с бедностью, экономической отсталостью, предрассудками [41, с. 21]. В доказательство материальных заслуг просвещения он приводил пример Соединённых Штатов Америки, которые, аккумулировав опыт европейской цивилизации, в короткий срок стали одной из богатейших стран в мире [23, т. 1, с. 353]. Историк предвещал негативные последствия для народа, игнорирующего фактор образования: «...такой народ останется мёртвой буквой в азбуке человечества, ему не суждено двигаться вперёд, ему остаётся быть рабом окружающей природы» [23, т. 1, с. 353]. Бобровский признавал приоритет западноевропейской науки перед российской и считал вполне закономерным перенимание научных достижений Запада «на дело общего развития и благосостояния» [23, т. 1, с. 66]. Об увлечении Бобровским западными исследованиями говорят также статистические материалы, с первого произведения до последнего, активно применяемые исследователем в построении своих концепций. «Статистика, – считал историк, – это наука, стремящаяся к истине, это животрепещущая истина, выражаю-

щаяся в цифрах, и самые мелочные числа имеют неизмеримую важность в приложении к состоянию человека, семьи, общества и государства в разные эпохи их существования» [23, т. 1, с. III – V].

«Для близости к истине фактов» Бобровский основывал свои выводы на средних арифметических данных, полученных за длительный период времени, поскольку он считал, что «статистические факты тем ближе к истине, чем больший период времени обнимают» [23, т. 1, с. III]. По мнению учёного, статистика как метод исследования в общественных науках ещё не нашла заслуженного применения на российской почве. Но он пророчил ей большое будущее в изучении «состояния человека, семьи, общества и государства», указав на то, что она способна не только в реальности отразить существующее положение, но найти его причины и предугадать будущие его тенденции [23, т. 1, с. V].

Следует учесть, что статистические отчёты учёного были строго документированы, а его математические вычисления и выводы разрабатывались в русле достижений мировой статистической науки. Автор в изданных трудах ссылался на исследования французов Жюльена Реми Пеше [23, т. 1, с. 502] и Моро де Жоннеса [23, т. 1, с. 497], бельгийца Матье [23, т. 1, с. 502] и англичанина Милля [23, т. 1, с. 502], а также других европейских и российских теоретиков статистики [23, т. 2, с. 85, 549; 47].

Сам историк указывал на свою приверженность идеям историко-юридической школы [69, с. 3], что определялось сферой его научных интересов: новейшая история, история права, включая европейское.

В отношении к народным массам историк занимал либеральную позицию. «Народ, где один класс угнетён, – повторял он слова французского публициста и историка Луи Блана, – похож на человека, у которого на одной ноге рана: больная нога мешает и здоровой действовать» [41, с. 20]. Однако социально-экономическое и политическое переустройство общества он оставлял правящему классу. В то же время, идеология либерализма причудливо сочеталась у Бобровского с консервативными позициями в отношении «западнорусского» вопроса.

Принцип приоритета национального, считал учёный, должен превалировать в преподавании истории народу. «Значение истории состоит в том, чтобы вызвав наружу присущее каждому человеку народное чувство, освятить его, дать ему сознательное осмысленное направление» [70, с. 837]. Популяризацию истории для развития национального самосознания Бобровский считал закономерной [70, с. 837] и указывал, что в развитых европейских странах этот метод являлся важным средством укрепления внутривнутриполитического положения [71, т. 2, с. 310]. Поэтому в учебниках по истории материал необходимо преподавать, следуя наци-

ональным интересам: «В других странах все исторические произведения, назначенные для обращения в народе, отличаются полным пренебрежением к мнению иноземцев», – сравнивал историк. «На практике оказывается, что одно и то же событие рассматривается каждым народом со своей национальной точки зрения... странно было бы, если бы швед восхищался Полтавой», – заключал он [71, т. 2, с. 311].

Но никогда П. О. Бобровский не опускался до шовинистических гонений на другую нацию, несмотря на то, что считал закономерным военное расширение империи. Он призывал толерантно относиться к другим народам. «Долг каждого христианина в каждом человеке, какой бы он ни был религии, видеть брата, равного перед Богом» [41, с. 21]. Существующую в мире национальную вражду он считал следствием тормозящих прогресс предрассудков. Средство борьбы с межнациональной рознью он видел в уничтожении «побуждающих её развиваться причин» – религиозных, бытовых, экономических [41, с. 21].

Неотъемлемым достоинством работ ученого является обилие совершенного нового материала, извлекаемого из государственных и частных архивов [2, с. 52]. Павел Осипович вполне заслужил звание археографа: его работы изобилуют цитатами из неопубликованных ещё источников, приведёнными списками и факсимильными снимками документов, подробным анализом источниковедческих материалов [4; 6; 23, т. 1, с. V–XI; 33, с. 11; 68, с. 28]. Для оценки состояния изученности исторических явлений П. О. Бобровский каждую работу начинал с историографического обзора предмета исследования, но определяющую роль в построении концепций он отдавал первоисточникам. «Только издание документов будут разъяснять ещё не вполне раскрытые нашими историками вопросы», – отмечал исследователь [44, с. 1101].

Итак, в исторических воззрениях Бобровского сочетались методология позитивизма и славянофильские общественно-политические взгляды. Эта компромиссность – своеобразный выход для либеральной интеллигенции России, делавшей ставку на реформационные преобразования и одновременно опасавшейся социальных потрясений.

За активной работой мало времени уделялось семье. Жена и дочь сопровождали его лишь при поездках в Вильно или Варшаву, для того чтобы несколько дней отдохнуть в родовом поместье в Ковенской губернии [58, ед. хр. 1, с. 903; ед. хр. 2, с. 124]. Его заботы были сконцентрированы на порученных ему юнкерах. Знакомясь с ними во время поездок, он из столицы интересовался их учёбой и дальнейшей судьбой [58, ед. хр. 5, с. 461, 479], часто принимал экзамены, поощрял лучших и

наказывал провинившихся. За внимание и заботу юнкера платили любовью и уважением, поздравляли с юбилеями, приглашали на парады и спектакли [58, ед. хр.1, с. 211, 1221; ед. хр.5, с. 423].

Со всей ответственностью П. О. Бобровский подходил к разработке учебных и воспитательных программ. В 1865–1866 гг. он дважды собирал всех заинтересованных лиц в рамках комиссии: начальников и преподавателей училищ, авторов учебников, учёных и представителей кадрового состава родов войск [71, т. 1, с. 116–209]. Выработанные комиссией материалы не стали конечной директивой, а по инициативе главного инспектора постоянно усовершенствовались в соответствии с изменяющимися условиями. Одновременно ему приходилось заниматься вопросами комплектации ведомственных библиотек, вести переговоры с учёными по созданию адаптированных учебников и с главами издательств по поставке художественной, исторической, военно-юридической и другой предметной литературы [58, ед. хр.1, с. 81, 113].

Обеспокоенный низким уровнем знаний юнкеров, он считал необходимым принять участие в разработке теории военного воспитания. П. О. Бобровский самостоятельно разрабатывал педагогические пособия для преподавателей училищ [67; 68; 72], в основу которых было положено наследие представителей западной педагогики [71, т. 2, с. VII] и богатый личный опыт. Он определил особенности воспитательного процесса по отношению к учащимся различного происхождения, возраста, национальной и конфессиональной принадлежности, уровня образованности и нравственности [73], а в помощь поступающим разработал специальный справочник, содержащий программы поступления и обучения, описание системы преподавания и условий жизни, разъяснение общественности интересующих ее вопросов [57].

В истории каждого из училищ империи П. О. Бобровский оставил деятельный след. Без преувеличения можно заключить, что в работе одного человека сконцентрировались функции целого ведомства, и вполне заслуженной предстаёт вынесенная им оценка своей организаторской работе: «Мы сделали все то, что могли, сколько позволили нам силы и средства и что мы обязаны были сделать для пользы образования как благодаря нашему положению, так и по нашим неофициальным отношениям к руководящим образованием офицерам» [74, с. 1].

Напряжённая административная работа долгое время не позволяла Павлу Осиповичу вновь вернуться к историческим исследованиям. В 1871 г., после получения первых положительных результатов военной реформы он приступил к написанию обширного труда «Юнкерские

училища» [71]. Издание вышло из печати в 1872–1876 гг. и посвящалось инициатору преобразования училищ Д. А. Милютину. Оно состояло из пяти частей в трёх томах. По содержанию это была подробнейшая летопись всех этапов развития училищ с предысторией военного образования в России, также содержащая рекомендации по дальнейшему его усовершенствованию. Исследование представляло анализ особенностей работы в различных регионах империи, статистические данные по всем сферам деятельности преподавателей и учащихся, освещало выявленные достоинства и недостатки заведений.

Публикация трёхтомника вызвала широкую полемику в журнальной и газетной периодике. По времени она совпала с усиленной пропагандой среди населения военным министерством идей о всеобщей воинской повинности. Предметом критики стали приводимые Бобровским ответы учащихся на экзаменах, перенасыщенная предметами программа, некомпетентность кадрового состава [74–77]. Противники всеобщей воинской повинности осуждали автора за пропагандируемый им либерализм в воспитании: главный инспектор часто в разборе проступков практиковал «товарищеские суды», его методы обучения дифференцировались не по сословной принадлежности, а по уровню способностей. «Неужели образованные дворяне будут учиться с этим хламом?» – акцентировала проблему реакционная пресса [78, с. 2], побуждая Бобровского к новым статьям по разъяснению своей позиции [79–81].

С позиций же общегосударственных реформирование военного образования принесло положительные результаты. Увеличилось общее количество офицеров армии в сравнении с уровнем 1840–50-х гг., когда большинство дворян-кадетов могли уклониться от воинской службы. Уже через пять лет после открытия училищ набор учащихся проводился в условиях напряжённого конкурса, что свидетельствует о поднятии престижа заведений среди молодежи. Офицерский состав российской армии 1870-х годов отличался высоким уровнем образования, профессионализмом, отличной физической подготовкой [82, с. 4–31], в чём определённая заслуга принадлежала П. О. Бобровскому.

В 1870 г. «за отличие в службе» Павел Осипович был произведён в генерал-майоры [83, с. 870]. 25 декабря 1875 года приказом по военному ведомству Бобровский назначен начальником Военно-Юридической академии и Военно-Юридического училища [84, с. 6, 7]. Судьба учёного была тесно связана с актуальными событиями его эпохи, в том числе и с судебной реформой, самой либеральной.

По установившейся в первой половине XIX в. традиции академия поставляла на должность военных аудиторов гражданских чиновников

[85, с. 2]. После изменения армейского судопроизводства в связи с буржуазными реформами 60-х гг. военное министерство потребовало преобразования положения Академии. Заинтересованные лица – ведомственные военные и гражданские юристы – создали оппозиционные лагеря по вопросу дальнейшего существования заведения. Целый ряд ведомственных и государственных комиссий с 1868 г. выдвигали проекты и предложения, которые только усугубили безотрадное положение академии. В 1875 г. ведомство отказалось от очередного приёма слушателей. Встал вопрос о закрытии Юридической академии [86, с. 14]. Личное вмешательство министра Д. А. Милютина изменило ход событий, к реформированию заведения был привлечён П. О. Бобровский.

Вместе с семьёй Павел Осипович переехал с Моховой набережной на набережную Мойки, в «дом у Поцелуева моста», номер 94, который находился рядом со зданием Академии. Здесь Бобровские проживали в течение 18 лет пребывания генерала на должности начальника высшего военно-юридического заведения [84, с. 6, 7]. «Он отдался новому для него делу с неослабной энергией, – вспоминал позже близкий друг Павла Осиповича Александр Фёдорович Кони. – Академия стала его семьёю, его родиной, его детищем» [87, с. 786, 787].

В порученную ему программу преобразований Бобровский привнес свои коррективы. Он начал реформирование с созыва конференции всего персонала Академии. И сторонники, и противники реформ в ходе обсуждения определили дальнейшую судьбу заведения. С 1876 г. Павел Осипович собирал под своим председательством ежегодные комиссии по выработке учебных программ [86, с. 30]. Он лично настоял на введении общеобразовательных предметов в соответствии со статусом высшего учебного заведения, боролся за финансирование ведомством собственного академического штата преподавателей и профессуры вместо полекционных совместителей, ввёл практические занятия слушателей в военно-судебных заведениях, госпиталях и тюрьмах, а также научные командировки для исследователей [86, с. 31, 35, 57, 70, 184]. Обновлённая академия уже через год готова была принять поступающих. Для них были определены условия в соответствии с новым статусом заведения: будущие слушатели должны были иметь высшее образование и трёх-летний стаж военной службы. Но события начавшейся русско-турецкой войны заставили отложить открытие до осени 1878 года.

В первом же приёме среди слушателей был зачислен и сам Павел Осипович. Не зазорным он посчитал три года изучать военно-юридические науки вместе со своими учениками [83, с. 870] и не только

для того, чтобы на «личном опыте узнать потребности Академии» [86, с. 786]. Следует предположить, что, как приверженец системности и ответственности и в жизни, и в работе, он не мог чувствовать себя соответствующим должности без надлежащего образования.

После окончания Академии Павел Осипович сам читал в её стенах разработанные им лекции [88; 89]. В то же время он вёл активную работу по формированию в заведении квалифицированного преподавательского состава. «Не боясь померкнуть в лучах научных светил, он звал их в заведение и с горделивым восторгом приветствовал их согласие стать его сотрудниками», – вспоминали друзья [87, с. 787]. Он привлёк к работе в Академии известных учёных: Н. А. Неклюдова, К. Д. Кавелина, Я. А. Неелова, В. М. Володимирова [86, с. 69].

Павел Осипович был заинтересован в направлении деятельности своих сотрудников в исследовательскую сферу. Он ввёл положение об обязательной защите диссертаций всеми кандидатами в преподаватели [86, с. 70, 71]. Приглашённые для работы учёные и сам Бобровский придавали Академии вес в научном мире. Огорчать его могло лишь то, что за время пореформенного двадцатилетия Академия так и не выпустила своих учёных знаменитостей. Славу ей выпускники приносили в области практической криминалистики, именно её питомцы «осуществили и вынесли на своих плечах военно-судебную реформу» [86, с. 90].

В период работы в этом учебном заведении к имени П. О. Бобровского добавились новые эпитеты в определении его профессионального статуса. Пресса 1880-х гг. представляет его как «военного историка» и «историка права». Творчество этого десятилетия можно определить более узкой темой. Павел Осипович увлекся исследованием эпохи Петра I. В многочисленных трудах отразились разные сферы деятельности царя-реформатора: его военные подходы, слом боярской системы управления, бытовые преобразования [90–99]. Наибольшее внимание исследователь уделил истории военного законодательства Петра I. Юридические акты, по мнению историка, способствовали проведению в русской армии необходимых реформ, позволили Петру вывести военные силы на уровень западноевропейских. Актуализация Бобровским петровской эпохи была не случайной. Во всех его работах внимание было приковано к значимым фигурам, результаты деятельности которых влияли на события. Эпоха петровских преобразований, в интерпретации военного историка была начальным этапом становления России как мировой державы. Конечный этап буржуазных реформ, надломивших феодальные порядки, обозначали события 1860–70-х гг., участником которых являлся и Павел Осипович. Таким образом, российская юридическая

наука получила одну из первых попыток определить исторические этапы развития национального военного законодательства.

Рассмотрение темы ученых начал с работы «Развитие способов и средств для образования юристов» [90], где описал создание в начале XVIII в. института военных правоведов. Определяя причины и предпосылки петровских преобразований, он углублялся в рассмотрение военно-политической системы государства в XVI и XVII вв. в статьях: «Зачатки реформ в военно-уголовном законодательстве России XVII века» [100], «Местничество и преступление против родовой чести в русском войске до Петра I» [101]. Будучи ревнителем прогрессивных достижений европейской цивилизации, Бобровский положительно оценил заимствование Петром I западного опыта. Поэтому попутно историк значительную часть работ посвятил зарубежной военной истории [102–105].

Более значительную работу учёный проделал по сбору и систематизации источников по истории русского военно-уголовного законодательства. Большой комплекс документов он отыскал самостоятельно, перевёл с иностранных языков, стараясь ввести в научный оборот новые данные о генезисе регулярной российской армии. Историк приводил большие фрагменты первоисточников в научных работах, а зачастую публиковал их списки и факсимильные снимки. Благодаря его работам военно-историческая наука получила первую попытку анализа военно-уголовного законодательства XVI–XVIII вв. в России. Павел Осипович при рассмотрении значения памятника указывал мнения о нём предшествующих историков, историю создания документа, его содержание и рассматривал реальное отражение его восприятия русским обществом.

Нет сомнения в том, что на концептуальную базу исследований оказали активное влияние события жизни учёного. Нравственные принципы, заложенные в семье, сформировали в нём личность целеустремлённую, требовательную к себе, творчески воспринимающую окружающий мир. Привитый с детства историзм и высокий уровень образования позволили историческим исследованиям стать важнейшим средством выражения личных интересов в течение всего активного творческого периода жизни Павла Осиповича. Жизненные невзгоды юности и молодости закалили характер для напряжённой, полной практических трудностей и идеологической борьбы научной работы. Его социальный статус как представителя «верхов» административного аппарата царской России действительно сделал близким его понимание исторического процесса теориям дворянской историографии. Но в то же время участие Бобровского в проведении буржуазных реформ в России определили

соответствие его взглядов передовым западноевропейским установкам в области науки.

Как и в предыдущие периоды творчества, после разработки материалов по близкой тематике Павел Осипович подготовил обобщающий труд. На сей раз это работа библиографического характера, сочетающая подробный исторический обзор эпохи, историографический и источниковедческий анализ. Исследование военно-законодательных документов отняло семь лет напряжённого труда и закончилось изданием двухтомника «Военное право в России при Петре I. Артикул Воинский» [92]. Работа впервые предоставила читателям публикации личных рукописей царя, документов его военной канцелярии, писем соратников. На основании изучения их языка, стиля, сравнения их с западноевропейским законодательством Павел Осипович доказывал свою ведущую гипотезу – о самостоятельной работе Петра в области законодательства, отвергая господствующее до тех пор мнение о компилятивном его характере.

Для обнаружения рукописных первоисточников пришлось долгое время поработать в столичных архивах и библиотеках [106, с. 1]. Личная переписка с военным историком А. И. Савельевым, привлечённым к редактированию авторской рукописи [107], свидетельствует о напряжённом темпе подготовки к изданию. Бобровский спешил к конкурсному соисканию наград 1886 года, впервые объявленному Императорской Академией Наук по историко-филологическому отделению [108, с. 26]. Представительная комиссия в составе членов Академии А. Ф. Бычкова, А. Н. Веселовского, И. В. Ягича, А. А. Куника, К. Н. Бестужева-Рюмина, И. А. Чистовича, А. С. Будиловича среди семи заявленных исторических работ на первую награду удостоила сочинение П. О. Бобровского золотой медали [108, с. 26]. Высокую награду сам Бобровский не оценил для себя как конечную цель. «А я, поотдохнувши после настоящего труда, – пишет он Савельеву, – думаю вскоре снова отправиться странствовать между всеми забытыми памятниками старины, чтобы обогатить нашу молодую ещё науку новыми приобретениями. Каждому своё...» [107, л. 10]. В конце 1880-х гг. Бобровский вновь принял активное участие в изучении «белорусского вопроса» в связи с официально санкционированным празднованием пятидесятилетия «воссоединения» униатской церкви с православной. Ряд его статей написаны именно как полемические ответы на работы современных ему исследователей унии, что является показателем заинтересованности научных кругов данной темой.

Разработка темы униатства имела для П. О. Бобровского личное измерение. В своих биографических работах о М. К. Бобровском он

привёл аргументы, которые опровергали мнение официальной историографии о нелояльности высших иерархов церкви к имперской политике [4; 109]. Большой блок статей учёного посвящён библиографическому анализу творчества Михаила Кирилловича Бобровского [6; 31; 32 – 37; 110 – 112]. Племянник представил российскому читателю факты общественной и научной значимости профессора, его прямое влияние на ход событий 1839 года, заслуги в развитии славяноведения.

Во время подготовки работ по истории униатства Павел Осипович часто навещал свою малую родину, вновь завязал переписку с местными священниками, краеведами [111; 38, л. 3]. Благодаря их содействию, он дополнительно собрал у себя часть научного архива дяди: отрывки из старинных славянских рукописей, собранных профессором, рукописи его неопубликованных работ, заметки, снимки и литографии кириллических и глаголических летописей, личные документы и часть переписки. Приложив к собранию свои труды, посвящённые истории греко-униатской церкви, Павел Осипович в 1890 г. преподнёс этот архив в дар Библиотеке Академии Наук [114, с. 14]. В сопроводительном письме сотрудникам библиотеки он объяснил свой поступок велением нравственного долга предоставить для ученых материалы, которые «могут иметь общественный интерес» [115, л. 31].

В 1880–90-х гг. П. О. Бобровский активно привлекался к составлению работ, посвящённых полковой истории [116 – 119]. В этот период представители «академической» школы развернули широкую кампанию по политической обработке солдатских масс и офицерского корпуса. В связи с этим по всем военным округам был издан приказ о составлении во всех войсковых частях истории полков и воинских соединений [66, с. 309]. Как правило, их назначение состояло в утверждении в армии принципов самодержавия, православия и народности. Поскольку Павел Осипович искренне проводил в жизнь идею о связи патриотизма солдат с мощью армии, упоминая как пример «победу немецкого школьного учителя над Францией во франко-прусской войне», учёный не мог оставаться в стороне от кампании. Все его работы основывались на первоисточниках. В условиях последующего уничтожения архивов царской армии труды Бобровского приобрели значение источника.

Среди наиболее известных работ в современной историографии отмечена тщательно документированная «История лейб-гвардии Преображенского полка» [118], в которой подробно рассмотрены военные действия России в конце XVII в. и во время Северной войны. В «Истории лейб-гвардии уланского императрицы Александры Фёдоровны полка» [119] значительное место уделено слободским украинским казацким

и гусарским полкам и их участию в войнах с Турцией в XVIII в. Кроме того, отражены боевые действия во время наполеоновских войн, Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии в 1813–15 гг. В «Истории Тринадцатого лейб-гренадёрского Эриванского его величества полка за 250 лет» [116] ученый рассказал о старейшей воинской части русской армии, осветив наряду с полковой историей русско-турецкую войну 1828–29 гг. на территории Болгарии, ход восстаний 1830–31 и 1863–64 гг. в Польше, русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

Полковые исторические исследования Бобровского в целом носили черты панегирического характера в отношении военного могущества России и завоевательной политики империи. По отношению к покорённым русскими войсками народам в Восточной Европе, Закавказье и Средней Азии историк придерживался великодержавных позиций и оправдывал колониальное покорение имперских окраин как акт внедрения более прогрессивной культуры в сферу отсталых народностей. Но даже в таких официозных произведениях представители более консервативного крыла историографии находили существенные идеологические недостатки, как то: преувеличение западноевропейского влияния на развитие русской армии и слишком пристрастное отношение учёного к военно-стратегическим талантам русского генералитета [76, с. 6]. А. Мышлаевский, в частности, указывал, что Бобровский так критикует некомпетентность «полкового начальства, что его работы не соответствуют воспитательным целям» [120, с. 15].

Рассмотрев последовательно состояние армии и общественных условий наиболее политически активных европейских государств за период нового времени, Бобровский пришёл к следующим выводам. Во-первых, изменение состава и организации армии обуславливается экономическим развитием цивилизации [110]. Во-вторых, в период нового времени переход европейских государств от войск рыцарских и наёмных к войскам регулярным был неизбежен в силу потребностей складывающегося буржуазного общества [108]. И, в-третьих, процесс реформирования армейской системы сопутствует процессам укрепления и централизации национальных государств. В подтверждение приведены примеры деятельности королей: английского Генриха IV, шведского Густава-Адольфа, французского Людовика XIV [100, с. 11].

В своих работах П. О. Бобровский проводил разбор целого ряда военно-уголовных сборников Европы [91; 103; 105]. Кроме изучения условий их принятия, оригинальной сути и взаимовлияния друг на друга, он сделал попытку систематизировать общеевропейскую систему военно-

судебных принципов, берущих начало от римской практики и значительно эволюционировавших под влиянием развития военного искусства.

В 1897 г. генерал-майор П. О. Бобровский был избран в судебный департамент Правительствующего Сената [120]. По мнению друзей, он получил, наконец, возможность достичь «почётно спокойствия и независимости» [87, с. 787]. Творческий труд Павла Осиповича был высоко оценен правительством, которое наградило учёного довольно редким орденом Белого Орла [83, с. 870]. Его детище, Академия, воздала ему должное и наградила званием почётного члена заведения [121, с. 1123].

Служба в Сенате увлекла его возможностями вновь проявить свою деятельную натуру, приложить свои знания и опыт к развитию страны. По воспоминаниям учеников, он «не отставал от движения века, при выборах в новую городскую думу ратовал за проведение интеллигентных гласных, не уставал ходить на заседания, собирал среди коллег кружок своих единомышленников» [122]. Но непосильный по годам труд надломил его здоровье [87, с. 787].

Известия о провале дальневосточной кампании, а также революционные события января 1905 года отягчили протекание тяжелой болезни [122]. Павел Осипович скончался 3 (16) февраля 1905 года. Церемония панихиды прошла скромно, в соответствии с жизненными принципами покойного. 7 февраля в девять утра тело было доставлено в Знаменскую церковь столицы для отпевания, а оттуда перевезено на Варшавский вокзал. Погребение состоялось в личном имении Мокули Ковенской губернии [87, с. 784].

Пресса сожалела о потере Россией «одного из даровитейших своих людей» [123, с. 1]. Современники со скорбью писали: «...пока он жил, он стоял на своём посту и нёс службу родине со строгим соблюдением своего нравственного артикула, опыта, знаний и способностей» [87, с. 788]. Среди венков, окружавших его могилу, с особой рельефностью выделялся тот, на котором было надписано «Первому устройителю юнкерских училищ». Но лучший памятник себе П. О. Бобровский создал сам, оставив около сотни научных работ, которые спустя столетие продолжают привлекать внимание историков, краеведов и этнографов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алфавитный список дворянских родов Гродненской губернии, внесённых в дворянскую родословную книгу. Гродно: Тип. Э. И. Мейлаховича, 1900. 17 с.
2. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1895. Т. 4. Боборыкин – Введенский. 212 с.

3. Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М.: Наука, 1985. 281 с.
4. Бобровский П. О. Михаил Кириллович Бобровский, учёный славист-ориенталист: Историко-биографический очерк. С портретом, автографами, собственноручными списками и снимками древнейших славянских рукописей и факсимиле почерка знаменитой Супрасльской рукописи. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1889. VIII, 110 с.
5. Лябынцаў Ю. А. Баброўскі Міхаіл Кірылавіч // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1. А – Беліца. Мінск: БелЭн, 1993. С. 248–249.
6. Бобровский П. О. Судьба Супрасльской рукописи, открытой доктором богословия, магистром философии и филологии М. К. Бобровским. С приложением его автографов, образца собственноручного списка с Супрасльской рукописи и факсимиле подлинной рукописи: Историко-библиографическое исследование. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887. 76, 4 с.
7. Лябынцаў Ю. А. Пачатак Скарынам: Беларуская друкаваная літаратура эпохі Рэнесансу. Мінск: Маст. літ., 1990. 333 с.
8. Янковский П. Протоиерей Михаил Бобровский // Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 1. С. 11–19; № 2. С. 51–66.
9. Нечухрин А. Н. Историки Западной Беларуси XIX – нач. XX вв. // Наш радавод. Гродно, 1993. Кн. 5. Ч. II. С. 394–442.
10. Зубка А. О греко-униатской церкви в Западном крае // Русский вестник. 1864. Т. 53. № 9. С. 279–342.
11. Библиотека Российской Академии наук (далее: БАН), Санкт-Петербургский филиал, отдел рукописной книги (далее: ОРК), ф. 40, ед.хр. № 4. Материалы к биографии профессора священного писания Главной духовной семинарии при Виленском университете и часть его переписки с 1825 по 1847 гг. 1831–1891 гг.
12. Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования. Полоцк: Тип. Х. В. Клячко, 1910. 8, 396, XLII с.
13. Ляцьшонак А. Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі ў др. пал. XVIII – пач. XIX ст. // Спадчына. 1992. № 1. С. 9–14.
14. Гольмдорф М. Материалы для истории бывшего Дворянского полка до переименования его в Константиновское военное училище. 1807–1859. СПб.: Тип. штаба гвардии, 1882. 134, 210 с.
15. История «дворян» и «константиновцев». 1807–1907. Приложения к Т. 1. СПб., 1908. 284 с.
16. Бобровский П. О. Воспоминания офицера о военных действиях на Дунае в 1853 и 1854 гг. // Русский вестник. 1887. № 4. С. 565–599; № 6. С. 715–779.
17. Некролог. П. О. Бобровский // Правительственный вестник. 1905. № 28. С. 4.
18. Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Тип. штаба гвардии, 1882. VIII, 386, 206, 102 с.
19. Без-Корнилович М. О. Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. – СПб.: Тип. 3-го отд. Е. И. В. канцелярии, 1855. VIII, 356 с.
20. Военно-статистическое обозрение Российской империи, изданное при 1-м

- отделении департамента Генерального штаба трудами офицеров Генерального штаба. В 17 т. Т. 9. Ч. 3. Гродненская губерния / Сост. Калмберг. – СПб., 1849. 142, 8 с.
21. Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. П. П. Семёнова. В. И. Ламанского. В 19 т. Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб., 1905. VI, 619 с.
  22. Вонсарскос. Статистические труды Генерального штаба. Материалы для географии и статистики России. Губернии: Гродненская, составил П. Бобровский; Виленская, составил А. Корева; Ковенская, составил Д.Афанасьев // Народное богатство. 1863. № 137. С. 1–2; № 138. С. 2–3.
  23. *Бобровский П. О.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. В 2 т., прилож. к Т. 1–2. СПб., 1863. XXII, 866, II, 244, VIII, 1074, II, 392, 72 с.
  24. *Бессонов П.* Белорусские песни с подробным объяснением их творчества и языка, с очерками обряда, обычая и всего народного быта. М., 1871. LXXXII, 175 с.
  25. *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. Белоруссия и Сибирь. Спб., 1892. 490 с.
  26. «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния», составленные П. Бобровским // Северная почта. 1864. № 210. С. 1–2; № 211. С. 1–3; № 212. С. 1–2; № 243. С. 1–3; № 244. С. 1–3.
  27. *Зеленский И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Минская губерния. В 2 ч. СПб., 1864. V, 672, VIII, 701 с.
  28. *Корева А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Виленская губерния. Спб., 1861. VIII, IV, 804 с.
  29. *Шалькевич В. Ф.* Баброўскі Павел Восіпавіч // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1. А – Беліца. Мінск: БелЭн, 1993. С. 249.
  30. Памятная книжка Гродненской губернии на 1872. Вып. 1. Адрес-календарь / Изд. Гродненского статистического комитета. Гродно: Тип. Губ. правления, 1872. 9, 168 с.
  31. *Бобровский П. О.* Ещё заметка о Супрасльской рукописи: Дополнение к статье «Судьба Супрасльской рукописи» // Журнал министерства народного просвещения. 1888. № 4. С. 339–348.
  32. *Бобровский П. О.* Противодействие Базилианского ордена стремлению белого духовенства к реформам в Русской греко-униатской церкви: Исследование по документам архива греко-униатского департамента римско-католической коллегии и министерства народного просвещения // Литовские епархиальные ведомости. 1888. № 49. С. 422–426; № 50. С. 435–438; № 52. С. 456–459; 1889. № 1–2. С. 4–10; № 3. С. 22–24; № 4–5. С. 29–31; № 6. С. 42–44.
  33. *Бобровский П. О.* Подготовка реформ в русской греко-униатской церкви. 1803–1827: Ответ профессору М. Кояловичу. СПб.: Синод. тип., 1889. 44 с.
  34. *Бобровский П. О.* Переписка учёного-слависта М. К. Бобровского с П. И. Кеппеном // Славянские известия. 1889. № 12. С. 303; № 14. С. 353; № 15. С. 375.

35. *Бобровский П. О.* Учёное путешествие М. К. Бобровского по Европе и славянским землям. 1817–1822: К биографии М. К. Бобровского // Славянские известия. 1889. № 18. С. 450–453; № 24. С. 593–595.
36. *Бобровский П. О.* Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I: Историческое исследование по архивным документам. С прил. алфавитных указателей имён и предметов. СПб., 1889. XVI, 394, II с.
37. *Бобровский П. О.* К биографии М. К. Бобровского // Журнал министерства народного просвещения. 1890. № 11. С. 217–245.
38. *Бобровский П. О.* Законы движения народонаселения Гродненской губернии в 15-летний период: рождаемость, браки, смертность, статистическое обозрение. Гродно: Тип. губ. правл., 1860. 67 с.
39. *Бобровский П. О.* Историко-статистический очерк г. Гродно // Памятная книжка Гродненской губернии на 1860. Гродно: Губ. тип., 1860. С. 1–30.
40. *Бобровский П. О.* Друскеникские минеральные воды // Виленский вестник. 1861. № 67. С. 661–662; № 68. С. 669; № 69. С. 667; № 70. С. 687; № 71. С. 695; № 72. С. 702; № 73. С. 715.
41. *Бобровский П. О.* Исторические сведения о городах Гродненской губернии. Гродно: Губ. тип., 1861. 82 с.
42. *Бобровский П. О.* Колония Супрасль // Журнал министерства внутренних дел. 1861. № 6. С. 44–60.
43. *Бобровский П. О.* Рожаностокская римско-католическая церковь // Виленский вестник. 1861. № 45. С. 445.
44. *Бобровский П. О.* Ответ г. Ковалевскому // День. 1865. № 45–46. С. 1101–1105.
45. *Бобровский П. О.* Несколько слов о Зельвенской ярмарке // Виленский вестник. 1860. № 85, 86.
46. *Бобровский П. О.* По поводу возражений г. Ширяева на статью о Зельвенской ярмарке // Виленский вестник. 1861. № 16. С. 137; С. № 59. С. 579.
47. *Бобровский П. О.* Несколько слов по поводу статьи «Статистические труды Генерального штаба» // Русский инвалид. 1863. № 245. С. 1035.
48. *Бобровский П. О.* Можно ли одно вероисповедание принять в основу племенного разграничения славян Западной России (по поводу этнографического атласа Р. Ф. Эркерта) // Русский инвалид. 1864. № 75. С. 3–4; № 80. С. 3–4.
49. *Бобровский П. О.* Опровержение известия о переходе в православие // Русский инвалид. 1864. № 26. С. 4.
50. *Бобровский П. О.* «Материалы для этнографии Царства Польского», составленные Генерального штаба подполковником Риттихом // Русский инвалид. 1864. № 257. С. 3.
51. *Бобровский П. О.* Город Слоним и примечательные места Слонимского уезда // Вестник Западной России. 1866. Т. 4. № 12. Отд. 2. С. 161–179.
52. История русской армии и флота. М.: Образование, 1913. Вып. 11. 204, II с.
53. *Госцеў А. П., Швед В. В.* Кронан. Летапіс горада на Немане. 1116–1990. Гродна: НВК «Пергамент», 1993. 320 с.
54. *Бобровский П. О.* Училище подпрапорщиков, бывшее в Воронеже с 1856 по 1863 // Военный сборник. 1864. № 7. Отд. 2. С. 153–188.

55. *Семевский М. И.* Знакомые. Альбом редактора «Русской старины». Спб., 1888. 416 с.
56. *Бобровский П. О.* План учебной части в юнкерских училищах // Педагогический сборник. 1866. № 9. С. 649–671; № 11. С. 831–858.
57. *Бобровский П. О.* Постановления для вольноопределяющихся всех родов войск. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1876. VIII, 91, LXXV, 30 с.
58. Российская национальная библиотека (далее: РНБ), отдел редкой и рукописной книги (далее: ОРРК), ф. 80. Бобровский П. О., ед. хр. № 1 – 7. Письма начальников Московского, Виленского, Варшавского, Гельсингфорского, Ставропольского, Чугуевского, Рижского, Тифлиского, Казанского. Санкт-Петербургского, Елисаветградского, Тверского и Оренбургского юнкерских училищ. 60–70 гг. XIX века.
59. *Бобровский П. О.* Об учреждении юнкерских училищ // Военный сборник. 1864. № 11. Отд. 2. С. 91–144.
60. *Бобровский П. О.* Юнкерские училища в армии // Еженедельник-прибавление к «Русскому инвалиду». 1864. № 31.
61. *Бобровский П. О.* Отчёт о состоянии юнкерских училищ // Педагогический сборник. 1866. № 9. С. 447–487.
62. *Бобровский П. О.* Взгляд на юнкерские училища, их развитие и состояние со времени их учреждения (1864 г.) // Военный сборник. 1869. № 3. С. 61–94.
63. *Бобровский П. О.* Взгляд на образование в юнкерских училищах // Военный сборник. 1870. № 3. Отд. I. С. 57–70.
64. *Бобровский П. О.* Заметки о юнкерских училищах // Военный сборник. 1872. № 2, 3.
65. *Бобровский П. О.* Юнкерские училища в 1870–1871 // Педагогический сборник. 1872. № 5 – 8.
66. *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962. 318 с.
67. *Бобровский П. О.* Ответ на критику М. О. Кояловича по поводу сочинения «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I». СПб., 1890. 30 с.
68. *Бобровский П. О.* Историческая монография города Гродно // Вестник Западной России. 1866. Т. 3. № 7. Отд. 2. С. 28–43.
69. *Бобровский П. О.* Местничество и преступления против родовой чести в русском войске до Петра I. СПб.: Тип. Деп-та уделов, 1888. 31 с.
70. *Белов Е.* Двадцатисеминедельное образование. Юнкерские училища: Историческое обозрение их развития и деятельности генерал-майора П. О. Бобровского // Гражданин. 1873. С. 836–839.
71. *Бобровский П. О.* Юнкерские училища. Историческое обозрение их развития и деятельности. В 3 т. СПб.: Изд. И. А. Исакова. 1872–1876. VIII, 264, IV, VIII, 614, LVI, IV, IV, VI, 266, LXXIV с.
72. *Бобровский П. О.* Развитие способов для комплектования армии офицерами // Военный сборник. 1870. № 1. Отд. I. С. 145–150.

73. *Бобровский П. О.* Выводы из восьмилетней деятельности юнкерских училищ // Русский инвалид. 1872. № 267. С. 3; № 268. С. 3–4.; № 279. С. 3; № 281. С. 3; № 283. С. 4.
74. *Быков А.* Библиография. Юнкерские училища. Исследование П. О. Бобровского. Т. 1 – 3. Происхождение Артикула Воинского и изображение процессов Петра Великого по Уставу Воинскому 1716 г. Историческое исследование П. О. Бобровского // Санкт-Петербургские ведомости. 1881. № 237. С. 1.
75. *Белов Е.* Двадцатисеминедельное образование. Юнкерские училища: Историческое обозрение их развития и деятельности генерал-майора П. О. Бобровского // Гражданин. 1873. С. 836–839.
76. *Мышлаевский А. З.* История лейб-гренадёрского Эриванского его Величества полка. Рец. на сочинение П. О. Бобровского. СПб.: Тип. Имп. АН, 1901. 16 с.
77. Наши юнкерские училища // Сын Отечества. 1873. № 193. С. 1–2.
78. Москва, 27–28 ноября // Московские ведомости. 1873. № 300. С. 2–3.
79. «Юнкерские училища» П. О. Бобровского // Вестник Европы. 1872. № 4. С. 917–919.
80. *Бобровский П. О.* Десятилетие юнкерских училищ // Педагогический сборник. 1874. № 7.
81. *Бобровский П. О.* Заметки о способах занятий в ротных школах и учебных командах // Педагогический сборник. 1874. № 10–11.
82. *Бобровский П. О.* О книге для чтения, назначенной для преподавания грамоты в войсках // Педагогический сборник. 1875. № 4.
83. *Бобровский П. О.* Двадцатипятилетие юнкерских училищ. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1889. 43 с.
84. Альманах современных русских государственных деятелей / Изд. Г. А. Гольдберга. СПб., 1897. 1250 с.
85. Адрес-календарь Военно-Юридической Академии на 1887 год // *Бобровский П. О.* Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: Историко-юридическое исследование с приложением снимков подлинной рукописи Артикула Воинского. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887. С. 1–41.
86. *Кузьмин-Караваев В. Д.* Военно-Юридическая Академия. 1866–1891. Краткий исторический очерк. СПб.: Тип В. С. Балашева, 1891. II, 93, 193 с.
87. *Кони А. Ф.* Павел Осипович Бобровский, 1905 год // Очерки и воспоминания: Публичные чтения, речи, статьи и заметки. СПб., 1906. С. 783–788.
88. *Бобровский П. О.* Беседа начальника Военно-Юридической Академии о военных законах Петра Великого для устройства им регулярной армии. В день 170-летия со времени подписания манифеста об Уставе Воинском 1716 г. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. 28 с.
89. *Бобровский П. О.* Беседы о военных законах Петра I Великого // Военный сборник. 1890. № 1. С. 5–28; № 2. С. 209–222.
90. *Бобровский П. О.* Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России. Период преобразований Петра Великого: Военные суды и аудиторы. СПб., 1879–1881. 192, 186 с.

91. *Бобровский П. О.* Происхождение Артикула Воинского и изображение процессов Петра Великого по Уставу Воинскому 1716 года: Историческое исследование. В 2 ч. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. 46, 40 с.
92. *Бобровский П. О.* Военное право в России при Петре Великом. Артикул Воинский: С объяснениями, заметками, цитатами из источника. В 2 ч. – СПб., 1882–1886. XVI, 296, XXXIII, 770 с.
93. *Бобровский П. О.* Переход России к регулярной армии. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1885. X, 216 с.
94. *Бобровский П. О.* Беседа начальника Военно-Юридической Академии о военных законах Петра Великого для устроения им регулярной армии. В день 170-летия со времени подписания манифеста об Уставе Воинском 1716 г. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. 28 с.
95. *Бобровский П. О.* Военное право в России при Петре Великом. Ч. II. Артикул Воинский с объяснениями преобразований в военном устройстве и в военном хозяйстве по русским и иностранным источникам. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. XXXIV, 772 с.
96. *Бобровский П. О.* К характеристике военного искусства и дисциплины в войнах XVII и в начале XVIII столетия // Военный сборник. 1891. № 10. С. 177–197.
97. *Бобровский П. О.* Вейде Адам Адамович, один из главных сотрудников Петра Великого и его военный устав 1698г: Историко-юридическое исследование. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1887. 31 с.
98. *Бобровский П. О.* Царь Пётр Алексеевич и военные школы четырёх первых регулярных полков в России. 1690–1699 гг. // Военный сборник. 1892. № 6. Отд. 1. С. 272–306.
99. *Бобровский П. О.* Пётр Великий в устье Невы. К 200-летию основания Санкт-Петербурга // Военный сборник. 1903. № 4.
100. *Бобровский П. О.* Зачатки реформ в военно-уголовном законодательстве России. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1882. 34 с.
101. *Бобровский П. О.* Местничество и преступления против родовой чести в русском войске до Петра I. СПб.: Тип. Деп-та уделов, 1888. 31 с.
102. *Бобровский П. О.* Образование и комплектование унтер-офицеров в германской армии // Военный сборник. 1881. № 6.
103. *Бобровский П. О.* Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск: XVI, XVII и нач. XVIII вв. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. 446 с.
104. *Бобровский П. О.* Военные суды и система наказаний за преступления военнослужащих во Франции // Юридический вестник. 1883. № 4.
105. *Бобровский П. О.* Старошведское военное право. М.: Тип. Мамонтова, 1881. 38 с.
106. *Бобровский П. О.* Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: Историко-юридическое исследование с приложением снимков подлинной рукописи Артикула Воинского. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887. V, 97, 10, 41с.
107. РНБ, ОРРК, ф. 665. Савельев А. И., ед. хр. № 93. Письма П. О. Бобровского. 1885–1886 гг. Письма П. О. Бобровского.

108. Отчёт Императорской Академии Наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1886 г., составленный и читанный непременным секретарём академиком Веселовским К.С. // Записки Императорской Академии Наук. Т. 55. Кн. I. СПб., 1887. С. 1–34.
109. *Бобровский П. О.* Антоний Юрьевич Сосновский, старший соборный протоирей, настоятель Свято-Николаевской церкви в Клецелях, один из триумвиров Брестского капитула: Историко-биографический очерк. Вильно: Губ. тип., 1890. VI, 202 с.
110. *Бобровский П. О.* Судьба Супрасльской рукописи, открытой доктором богословия, магистром философии и филологии М. К. Бобровским. С приложением его автографов, образца собственноручного списка с Супрасльской рукописи и факсимиле подлинной рукописи: Историко-библиографическое исследование. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887. 76, 4 с.
111. *Бобровский П. О.* Упразднение Супрасльской греко-униатской епархии и восстановление Виленской митрополичьей епархии: По документам архива Священного Синода в делах греко-униатских. – Вильно: Губ. тип., 1890. – 58 с.
112. *Бобровский П. О.* Ответ на критику М. О. Кояловича по поводу сочинения «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I». СПб., 1890. 30 с.
113. Тридцатилетний юбилей // Русская жизнь. 1893. № 174. С. 3.
114. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии Наук. Вып. 2. XIX–XX вв. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 400 с.
115. БАН, ОРК, ф. 40, ед. хр. № 4. Материалы к биографии профессора священного писания Главной духовной семинарии при Виленском университете и часть его переписки с 1825 по 1847гг. 1831–1891 гг.
116. *Бобровский П. О.* История 13-го лейб-гренадёрского Эриванского полка за 250 лет. В 3 ч. СПб., 1892–1898. Ч. 1–3.
117. *Бобровский П. О.* Кубанский Егерский корпус // Военный сборник. 1893. № 1. Отд. 1. С. 5–34; № 2. Отд. 1. С. 189–225.
118. *Бобровский П. О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900.
119. *Бобровский П. О.* История уланского императрицы Александры Фёдоровны полка. В 2 т. СПб., 1903. Т. 1–2.
120. Правительствующий Сенат // Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли и администрации / Изд. А. С. Суворина. СПб., 1901. Т. 1. С. 11.
121. Некрологи. Бобровский П. О. // Исторический вестник. 1905. С. 1123–1125.
122. *Кривенко В. С.* Памяти П. О. Бобровского // Новое время. 1905. № 10390. С. 5.
123. П. О. Бобровский [Некролог] // Слово. 1905. № 57. С. 1–2.

Мелешко Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы; alenameleshko@tut.by.

Нечухрин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы; anech@grsu.by.